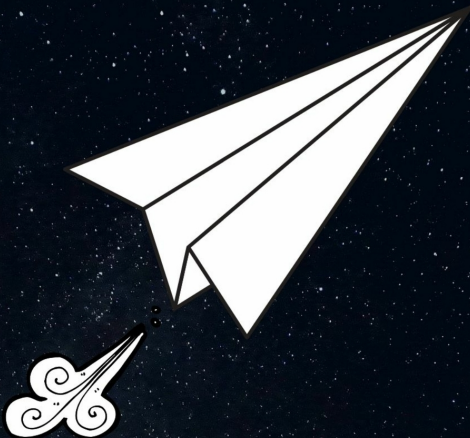

ТАРАС ШИРА

ХОУПФУЛ*

* (АНГЛ.) надеющийся

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Тарас Владимирович Шира

Хоупфул

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43641732

SelfPub; 2019

Аннотация

Хоупфул (англ.) – надеющийся, обнадеживающий. Это очередное «слово дня» из отрывного календаря, с которого главный герой начинает свой каждый новый день. Правда, обнадеживающими выглядят лишь будни «бизнесменов» и моделей «по-сотрудничеству-в-директ» из инстаграма. Но много ли обнадеживающего в жизни молодого парня из России, который и сам не знает, чего он хочет? Детские комплексы, нелюбимая специальность, ненастоящие друзья и туманное будущее. Внезапно герою выпадает шанс, воспользовавшись которым, он сможет в корне все изменить.....Ну или хотя бы снова попробовать выучить английский за лето. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 2	27
ГЛАВА 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

«...как я могу верить богу, если я его не боюсь?» М. Зощенко

«Жизнь – весьма печальная штука! Вы вообще заметили, чем она заканчивается?»

И. Бродский

ГЛАВА

1

Hello! The calendar that you are holding in your hands is not a usual one. As you might have notices, there is a new word waiting for you on every page. Did you know that our brain performs best in the morning, when you have just woken up? Yeah, we also find it hard to believe.

In any case, by learning just one new word every morning you will considerably broaden your knowledge. Just try it. We have no doubt that you'll find yourself on an exciting path to the world of English language. Lets go!

childhood [tʃaɪldhʊd] – сущ. детство, детский возраст

friendship [frendʃɪp] – сущ. дружба, дружественные отношения

selfishness [selfɪʃnɪs] – сущ. эгоизм, себялюбие

Begin – began – began

Bring – brought – brought

Swim – swam – swum

Так, стоп. А почему не swim – swam – swam?

Кто вообще это придумал?

Кто определял, каким глаголам суждено стать правильными, а каким – неправильными?

Откровениям в области лингвистики пора закончиться. С него хватит сегодняшнего Island, которое, оказывается, читается как «айлэнд», а не «исланд». И где тут логика?

Женя хмуро скреб поля тетради. У любого школьника поля – это зона для самовыражения. Тонкая красная вертикальная полоска, отделяющая последние 2 см страницы – барьер, за которым можно дать волю творчеству.

Дед склонился над ним – Женя почувствовал это по ударившему в нос запаху пены для бритья.

– Бездельничаем? – поинтересовался он.

– Почему я вообще должен учить его? – Женя завел привычную и набившую уже оскомину песню. Спрашивал он без злобы и вызова. Эта фраза уже давно утратила все очертания протеста, превратившись в монотонный риторический вопрос.

– Потому что, – справедливо возразил дед. Поняв, что ответ прозвучал слишком дежурно и по-преподавательски сухо, он продолжил. – Уедешь за границу, если повезет. Сейчас все учат.

«Если». Опять эти «если».

– А если все пойдут из окна прыгать, мне тоже пойти? – ехидно спросил Женя.

Вернее, не спросил. Этот ответ он придумал уже утром, когда шел в школу. И почему все остроумные парирования приходят в голову так поздно?

Снег глухо скрипел под ботинками. Женя завистливо смотрел на темные окна сменяющих друг друга домов – кто-то еще преспокойно себе спал. В светофорах торопливо перебирали ногами зеленые человечки, которые сменялись красными, с упертыми в бока руками.

Начиная лет с 10 тебя учат быть серьезным. «Смех без причины – признак дурачины», «без труда не выловишь рыбку из пруда» – и так все время. Каждый день как день сурка. От таких поговорок Билл Мюррей в этом своем фильме сошел бы с ума еще быстрее.

А вот авторов этих пословиц и присказок в свое время следовало бы отдать на растерзание тогдашним школьникам. Ради блага настоящих.

***

Сухо откашлявшись, Женя с головой накрылся одеялом. Хлипкая оконная рама гудела – вчера он опять забыл закрыть форточку.

Все учебники английского беспощадно ввали про Global warming. Рефераты про парниковый эффект, презентации

про озоновые дыры – все зря. Никакое глобальное потепление не грозит, пока в мае на улице +2, а в комнате, по ощущениям, так и все —10.

На улице гудел мусорный погрузчик. Водитель этой адской машины – самый ненавидимый персонаж воскресного утра. После похмелья и мыслей о предстоящем понедельнике. На секунду проскочила мысль, что создатели этих мусоровозов в доле с установщиками евроокон.

Женя стоял перед выбором – продолжать лежать под душным одеялом или, жертвуя остатками сна и рискнув больше не заснуть, дойти до окна и закрыть эту злополучную форточку.

Почти без раздумий Женя выбрал первый вариант. Он ненадолго задремал, но перебивающий весь сон, застоявшийся во рту перегар и настойчивое требование организмом воды все же вынудили Женю проснуться и начать новый день.

Накинув лежащий на кровати халат, Женя прошел на кухню и щелкнул чайником. Табуретка, которую он хотел починить еще с момента незапланированного переезда, угрожающе скрипнула под его весом. Торчащий кусок обоев, наспех приклеенный к стене клеем-карандашом, за ночь вернулся в исходное положение.

Подперев руками голову, Женя обвел глазами кухню – кофе закончился и пустая турка одиноко стояла на конфорке. В раковине кренилась Пизанская башня из грязных тарелок.

Две из них, чудом не разбившиеся, лежали на полу. Теперь понятно, что это так грохотало ночью.

Есть Жене не хотелось, а вот умыться и почистить зубы решительно не мешало.

Зайдя в ванную, он бросил беглый взгляд на зеркало.

Оттуда на него смотрел симпатичный голубоглазый блондин со слегка обветренными губами и горбинкой на носу.

Женя даже ободрился, мысленно отметив неоспоримые плюсы молодости и сопутствующего ей метаболизма – вчерашние посиделки до трех часов ночи в нем не выдавала ни одна деталь – разве что слегка обветренные губы и чуть покрасневшие глаза. Что касается того самого похмелья, то о его существовании он знал лишь от старших товарищей и из социальной рекламы на рекламных столбах. И первые и вторые снисходительно смотрели на него сверху вниз с успокаивающим «да ты подожди еще, пройдет пара лет, и ты нас поймешь».

Пока что самое худшее, что с ним случилось – это легкая головная боль и флегматично-расслабленное отупение, под которое, не перерывая диван в поисках пульта, можно было посмотреть какой-нибудь российский сериал.

Женя улыбнулся своему отражению – несколько раз ему говорили, что он просто вылитый Джуд Лоу в молодости, еще до того, как тот стал стремительно лысеть годам к 30.

Особенно самодовольно улыбнуться его заставляли фразы «Да ты, наверное, у себя в больнице со всеми переспал», а сказанное его бывшей девушкой «Ты очень хороший, но у тебя на лице написано: внимание, бабник» так вообще возглавило его негласный топ фраз, которые должен услышать каждый уважающий себя сердцеед. Хотя последняя фраза и была сказана в момент расставания, Женю это нисколько не смущало.

Можно это отрицать и не соглашаться, но Женя был полностью уверен в том, что мужчины живут признаниями их собственных заслуг. И признавать их должны не друзья и близкие и даже не грозный начальник, а именно женщины. Не будь женщин – все развитие застопорилось бы на этапе каменного века. Томас Эдисон не стал бы изобретать лампочку, а братья Райт не пытались бы, рискуя своими жизнями, взлететь на очередном дельтаплане над нашей брэнной землей. Про это даже был какой-то стендап, но Женя предпочитал считать, что до этой мысли он дошел первым.

Комплименты – одна из форм этого самого признания. Просто сначала ты слышишь их только от бабушки и мамы, но при должном обаянии, характере и чувстве стиля радиус их появления не ограничивается домашними стенами. К тому же все дети быстро понимают, что дома тебе правды не скажут. Даже если правда будет всего-навсего слегка горчить. Дома тебя берегут. За правдой надо обращаться к посторонним.

Но как и любой мужчина, которому приписывают любовных подвигов свыше имеющихся, Женя их не подтверждал, но и отнекиваться не спешил. Ограничивался манерным взмахом руки и дежурным «Да уж ладно вам, наговорите тут сейчас».

Правда, женщины постарше, с которыми его связывали недолгие отношения, как сговорившись, утверждали, что его надменность и местами колкая грубоватость были всего-навсего бутафорской декорацией – защитным панцирем, под которым прятались обычные человеческие страх и неуверенность.

Последних Женя стеснялся и их проявление считал слабостью, поэтому старался не слушать подобные замечания от, как он их называл, «психологов херовых».

– Че ж вы одни тогда под сраку лет остались, если умные такие, – хмуро размышлял он, спешно латая пробитый панцирь.

Но в целом общественному мнению он не придавал особого значения. Он вообще не любил придавать чему-то значение. От мыслей о завтрашнем дне он старался бежать, как от надоедливого уличного соц. опроса.

Женя был убежден, что жизнь на самом деле неплохая штука, пока о ней не начинаешь задумываться. Все депрессии начинаются с поиска ее предназначения. Предназначение может быть у зонтика или дуршлага, а жизнь надо просто жить.

В юношеских вопросах самопознания ему активно помогали уличные ларьки, где уставшие и хамоватые продавщицы продавали через зарешеченное окошко пиво и сигареты поштучно. Не ларьки, а настоящие бункеры – в случае Второй мировой войны они продержали бы оборону дольше, чем вся Польша. Правда, и они были с легкостью раздавлены и сметены неумолимо пришедшей сетью «Красное и Белое». Несколько партизанских отрядов таких ларьков все же остались в отдаленных районах города, куда еще пока не добрался интервент.

Чтобы выглядеть старше, Женя пытался придать голосу басистую хрипотцу, но можно было бы обойтись и без нее – продавщицы и так с охотой продавали возвращающимся с уроков школьникам пиво и джин-тоники.

«Пускай лучше тут купят, чем всякой отравы напьются в подъезде. Да и все равно найдут, где купить», – из двух зол продавщицы выбирали если и не меньшее, то хотя бы то, что приносило прибыль их ИП.

– Братъ от жизни все, говорите, – участковый хмуро читал написанное корявым, но кричаще-протестующим почерком детское объяснение со страницы административного протокола.

В отделении участка пахло сигаретами, потом и чуть-чуть правосудием.

Жене было лет 14, и они с друзьями не смогли убежать от милицейского бобика. Пивные бутылки снарядом были переброшены через оградку детского садика, но уничтожение улики все же было замечено доблестными блюстителями закона.

– Раз уж все берете, так брали бы там, не знаю, книжки в библиотеке, – продолжал милиционер. – А то говорите, что берете все, а берете-то говно одно.

Хорошо хоть, не отправили сдавать анализы. Найденное пытливым медиком в крови и других естественных жидкостях организма содержимое не обрадовало бы ни участкового, ни сидящую в углу комнаты милицейского участка, спешно прибежавшую с работы маму.

В таких ситуациях меняющейся мимике мам могла бы позавидовать любая драматическая актриса – посвященные Жене поджатые губы и сверлящий взгляд, который, казалось, был способен оставить клеймо, быстро сменялись хлопаньем длинных ресниц, неловким перебиранием пряди волос и клятвенным заверением по приходу домой устроить юному борцу с системой такую выволочку, что она, мать родная, его сама не узнает.

Уж лучше бы она кричала. Последняя фраза про выволочку, произнесенная нежно-вкрадчивым голосом, не сулила ничего хорошего. Это означало, что мама донесет всю свою ярость до дома, не расплескав ни капли.

– Как 18 стукнет, в армию отправляйте, – пробурчал милиционер, сухо посмотрев на развязно сидящего Женю. – А то потеряете пацана.

Женю это сильно задело – его тут даже не считали полноценным участником разговора и обращались напрямую к маме, а не к нему. Его мнения вообще никто не спрашивал, как будто его мама была хозяйкой непослушного пекинеса, который сорвался с поводка и облаял прохожих.

Выйдя из участка, мама решительно устремилась вперед, оставив Женю позади.

Женщины всегда обижаются одинаково. Женя плелся следом и по звучному цоканью ее каблучков пытался определить, насколько все серьезно.

Да, обижаются одинаково. Зато каждый раз – непредсказуемо. Судя по звуку, тянуло на 6 баллов по шкале Рихтера, а то и на все 8. Бойкотом и спрятанной компьютерной мышкой уже явно не отделаться. Эти меры себя изжили. Бойкот – даже в радость, а компьютерную мышку мама прятала за аптечку, под бинты. Или в комод с обувью. Так или иначе, взрослые недооценивают способности зависимого от компьютера ребенка в нахождении пластикового предмета на проводе в квартире площадью 40 кв. м.

Обращаться к маме сейчас или пытаться оправдываться

было не только бесполезно, но и чревато – тут надо было выждать паузу. Тонкий перешеек, отделяющий его от Гольфстрима из «Я в тебя столько сил вложила» и «Да сколько уже можно», можно было нарушить одним только не вовремя протянутым «Ну маам...».

Поэтому, засунув руки в карманы, Женя угрюмо волочил следом, рассматривая попадающихся по пути прохожих.

Те выглядели не лучше – насупленные мужики в костюмах и с дипломатами, женщины с поджатыми губами, агрессивно стреляющая глазами молодежь.

В России не принято улыбаться просто так. Для этого нужна какая-то веская причина. Широко улыбающийся незнакомый человек, идущий тебе навстречу, вызывает стойкое желание прижать покрепче сумку и бросить хмурое «Спасибо, не интересуется». Только в России замечают неестественность улыбок в рекламах йогуртов, майонезов и шоколадок. Не заметить трудно – в этих рекламах даже старый дед, спустившийся к столу, улыбается и шутливо журит краснощекого внука, вместо того чтобы жаловаться на больные ноги и маленькую пенсию. Отец семейства сладко улыбается жене, а она обвивает его за шею и прижимается к щеке. Подозрительная нежность для людей, состоящих в браке. Складывается ощущение, что он вчера ей изменил, а она разбила его машину. Только никто об этом еще пока не знает. Все это счастливое семейство напоминает сценку из какого-то театра абсурда или американского ситкома. Идиллическое

семейное помешательство сразу бросается в глаза и вызывает ухмылку.

А в моменте, где вся семья, лучезарно улыбаясь, смотрит в камеру, надо писать внизу предупреждение: «Не повторяйте дома. Выполнено профессионалами».

Дома мама решила, что ей надо выговориться. Или вернее, выкричатся. Для этих целей бойкот явно не подходил. Начали без прелюдий. Мама с порога развернулась на 180 и залепила звонкую пощечину. Задетая над дверью виселка с колокольчиками и висящей подковой (вроде бы она называлась музыкой ветра, или что-то типа того) тревожно брэнчала, сливаясь со звоном заложенного от удара уха. Подкова раньше висела над дверью. Мама ее то вешала, то снимала – ей все казалось, что соседи будут коситься на них, как на язычников. Отец ее успокоил, сказав, что подкова висела над дверью даже у Нильса Бора. А если великий физик не видел в таком легком фетишизме ничего зазорного, то обычная семья из Екатеринбурга – тем более.

«Весь в отца», – эхом отдалось в барабанных перепонках.

«А вот и вспомнили, – хмуро подумал Женя. – Да уж. Если бы мне платили каждый раз, когда я слышал эти слова...»

Предательская слезка капнула на треснутый кафель. Было обидно.

Жаль, что у него не было пульты, как у Адама Сэндлера –

он бы просто промотал этот акт воспитания или нажал бы кнопку skip.

А вообще, в тот день он чувствовал себя даже немного героем – пускай и со славой Герострата. Месяц назад он бросил ненавистную музыкальную школу и вытекающие отсюда уроки хора, сольфеджио и фортепиано. Родители сначала ахнули, но оставили все как есть. Это-то и пробудило в нем новое чувство собственной значимости. Капитулируя, родители сами обесценили свои слова «А ну-ка марш» и «Делай через не хочу» – отныне он знал, что эти слова ничего не стоят. И делать он может как хочет и по-своему. Теперь на каждое «Марш!» он может устраивать свой собственный марш несогласных. Те три с половиной года музыкальных страданий, оказывается, можно было легко оборвать. Он помнит удивленное лицо своей учительницы пения, когда родители пришли забирать его документы. Другие ребята преследовали его до ворот и выпытывали правду, думая, что он блефует. Никто не хотел верить, что он покидает место ссылки и теперь вот так вот преспокойно будет смотреть дома «Черепашек ниндзя», пока они мучают музыкальные инструменты, свои голосовые связки и преподавательские уши. Женя старался пожимать плечами как можно невозмутимее, хотя внутри него царил праздник.

Правда, в отношении школы родители были более непреклонны. А жаль. Хотя два раза в одну и ту же воронку мол-

ния не бьет. Даже если выкинуть все громоотводы. Будь их воля, министерство образования и родительские комитеты с удовольствием подправили бы биографии Стива Джобса и Билла Гейтса – в частности, ту часть, где они бросили школу. Этот факт сильно бьет по репутации учебных заведений. Будешь ссылаться ребенку на дворника, а он тебе – на Билла Гейтса.

Как и все учителя музыки, их преподаватель сольфеджио была немного не в себе и целиком отдавалась своему искусству.

– Как же так, это же Steinway – а вы: гроб на колесах, – она искренне всплескивала руками и куталась в шаль, как будто пыталась загородиться от холодного детского непонимания.

– На нем и только на нем играл Рахманинов, – продолжала она.

На детей авторитетность фамилии никак не действовала – они глазами искали ученика, волею судеб носившего такую же фамилию. С немым вопросом – что особенного он в этом пианино нашел. Но судьба была, как всегда, иронична – Рахманинов (не Сергей, а Костя) не обладал ни музыкальным вкусом, ни талантом. У него были не руки, а хватательные лапы из автоматов с плюшевыми игрушками. Из них летело все. Партитура, сменка и мелочь. Чего уж говорить об игре на пианино. Хронический проблемоголик. Не человек, а 99 problems или 22 несчастья. Ожидавшие своих вну-

ков бабушки, перешептываясь, называли его сомнамбулой. Дети же были чуть проще и называли его придурком. А уж если кого-то обсуждают взрослые, то этим самым они дают полный карт-бланш делать то же самое своим детям. Пускай потом не удивляются.

Рахманинова приводила мама и передавала учителю из рук в руки. Не фигурально. Легким толчком в спину (таким обычно подталкивают подслеповатого котенка к миске) его мама направляла свое чадо к распахнутым дверям музыкального класса, откуда уже доносился «распевочный» «Собачий вальс». Уходила она только тогда, когда появившаяся в дверях учительница фортепиано увлекала незадачливого однофамильца в мир музыки. На бесконечные для него 45 минут.

За рояль тот садился с лицом человека, идущего на электрический стул. Если бы вместо просьбы сыграть «Полет шмеля» учительница положила ему на голову влажную губку, а к рукам подключила электроды, тот был бы только рад такому милосердному окончанию своей экзекуции.

Учительница его недолюбливала и к концу урока откровенно морщилась при виде его нерешительных потуг. Может, из-за диссонанса, рождаемого его великой фамилией и игрой на пианино, а может, из-за того, что Костя Рахманинов был самой настоящей амебой. Вообще, женщины готовы терпеть любых мужчин: скандалистов, негодяев и хамов, но только не таких. Ни одна женщина не будет терпеть рох-

лю. Они к ним испытывают плохо скрываемое отвращение.

Рахманинов, как и любая амеба, это отвращение чувствовал и, вжимаясь в стул, старался стать еще незаметнее. Но доставалось не только ему – вообще, их учительница по фортепиано понимала выражение про кнут и пряник слишком буквально. Вместо кнута у нее была указка, а вместо пряников – большой поднос с барбарисками и рачками, стоявший на крышке пианино.

Было непонятно, откуда взялась указка в кабинете музыки, но тем не менее она там была. Метровая и кислотно-зеленого цвета. Она использовала ее в качестве указательного пальца, когда надо было ткнуть куда-то в направлении задних рядов, а в момент особого душевного потрясения даже замахивалась. Потом, правда, часто моргая, осекалась, понимая, что до явного превышения учительских полномочий ей оставалось всего ничего. Но любой начатый маневр требует завершения, поэтому указка обрушилась на крышку пианино. Наверное, в тот момент она забывала, что стучит по любимому инструменту Рахманинова (Сергея, а не Кости). С верхушки барбарисовой башни несколько конфет скатывались к ее основанию. Барбариски играли важную роль в системе сдержек и противовесов. Было на подносе и несколько шоколадных конфет – их получали особо привилегированные. Любимчики или сильно отличившиеся.

Параллельно учительница сольфеджио пыталась сделать из мальчиков мужчин – но, как и все люди советского поко-

ления, делала это топорно и категорично.

– Мальчики, вы же рыцари! – чуть ли не с шекспировской интонацией она укоряюще обводила класс глазами. – А носитесь по коридорам, что от вас девочки шарахаются.

Новоявленные рыцари шумной гурьбой вываливались из кабинета, ознаменовывая фойе криками и взрывами смеха. Девочки ожидаемо шарахались. Толкотня и доносящийся из гардероба матерок означали, что время рыцарских подвигов уже давно прошло и забыто. Впрочем, современные историки утверждают, что на самом деле рыцари были обычными средневековыми гопниками. Так что, наверное, ничего страшного.

Вспоминая свою группу через несколько лет, Женя прекрасно понимал, почему Рахманинов был белой вороной. При всех своих странностях он грешил кое-чем и посерьезней. Он не стеснялся своих родителей. Любой ребенок, приходя в общественное место, моментально отказывается от своего родства с мужчиной и женщиной, живущими с ним под одной крышей. Родителей стесняются, как дурацкой, но теплой шапки или варежек на резинке. Носить откровенно не хочется, но выбора нет. Родители превращаются в великовозрастный балласт, который своими вопросами – звучащими, как назло, очень громко, что всем вокруг слышно – благополучно подрывают твой тщательно завоевываемый авторитет. А любой ребенок прекрасно знает, как его трудно заработать и, что немаловажно, удержать.

Рахманинов же родителей не стеснялся. Он позволял маме его причесывать и проводить платком под носом. Он всегда был аккуратно одет, и у него единственного до блеска были начищены остроносые туфли, которые носили только старшеклассники. Но вопреки всему, эта аккуратность не придавала ему пижонского лоска, а скорее наоборот, подчеркивала прилежную бесхребетность. Правда, однажды он пришел в свитере с Человеком-пауком – тогда как раз вышел первый фильм с Тоби Магуайром в главной роли. В тот год случился настоящий паучий бум – все дети вдруг перебороли арахнофобию и резко полюбили членистоногих какой-то садомазохистской любовью. Они подставляли под их жвала руки, плечи и шеи, проникнувшись родительской присказкой про «не убей паука в доме».

Свитер был неплох, но то, что он был связан бабушкой (а Рахманинов не врал, потому что не умел, да и ничего зазорного в домашней вязке не видел), сильно его обесценивало.

Вообще, Рахманинова бы спасло только одно – если бы его, ждущего опаздывающую за ним маму, в фойе музыкальной школы укусил бы такой паук. Рахманинов бы, пока что еще неумело, но резво, пронесся на паутине через проспект Мира под восхищенными взглядами вчерашних обидчиков.

Но к тщедушным ботаникам небезразлична лишь студия Marvel. Жизнь же куда беспощаднее. Чудес и суперспособностей не бывает.

Дружить с Рахманиновым было можно, но эту дружбу по приходе в музыкальную школу требовалось тщательно мимикрировать за отстраненным безразличием и нечастыми нападка. Иначе можно было в момент столкнуться с непониманием одноклассников.

В конце занятий Женя ждал Рахманинова за углом, и они вместе как ни в чем не бывало шли гулять. Рахманинов, по видимому, был готов платить такую цену за дружбу, во всяком случае, никаких упреков от него он не слышал.

После занятий, по выражению взрослых, начиналось их с Рахманиновым Великое Праздношатание. Гулять без цели и не наблюдать часов могут или влюбленные, или школьники. Занятия заканчивались в два часа, а вернуться надо было до прихода родителей с работы. То есть до шести. Короче говоря, особо не разгуляться.

Грелись и коротали время в подземных переходах.

Подземные переходы с тех пор совсем не изменились. Настоящий портал в прошлое. Законсервированные 90-е на два метра под землей. Они существовали вне времени. Пройди еще 100 лет, а в них все так же будут продавать колготки, сосиски в тесте и телефоны. Витрину с телефонами как раз и рассматривали две пары глаз – Жени и Рахманинова. Рассматривали с придыханием бедняка из «Рождественской сказки» Ганса Христиана Андерсена, увидевшего празднич-

ный стол богача через запотевшее окно.

В отражении они видели свои красноватые шмыгающие носы, а за ними – вожделенные сименсы и самсунги.

Они просто молчали и смотрели – никто из них даже не вынашивал планов о покупке. Слишком уж баснословной была цена – а считать, сколько надо откладывать с дней рождения и обедов, они даже не пытались. С такими подсчетами они обычно досчитывались до преклонных лет.

Слабая надежда на получение денег за пятерки была тут же задушена и похоронена, а на ее надгробии родительской рукой было высечено: «Хорошо учиться – это твоя обязанность». Рахманинов так тем более. По райдеру за такие просьбы ему причитался еще и подзатыльник.

Надежда, правда, как Гоголь, была еще жива и царапала крышку гроба ослабевшими пальцами – впрочем, недолго. У Рахманинова так тем более. Рассчитывать на телефон он не мог, даже если бы закончил год без единой тройки, а саму школу – в 14 лет и с золотой медалью.

Термин «социальное неравенство» Женя усвоил намного раньше, чем о нем рассказали на уроках обществознания. Однажды с мамой они забрели во двор, спрятанный от посторонних глаз за высоким забором. Двор как будто вырезали из рекламного буклета – целые качели без единого скрипа, кольца для детского баскетбола, качалка-пони на пружин-

не. Так уж повелось, что все хорошее у нас принято прятать от посторонних глаз. Даже то, что нельзя унести. От греха подальше. Если не смогут украсть – так обязательно нагадят. От бессилия. Двор находился между двумя высотками, откуда часто выезжали серьезные дядьки с гарнитурой и тетки в кашемировых пальто. Пробрались они туда через открытые ворота, когда туда заезжал тонированный лексус.

Родители ошибочно полагают, что в детстве мальчики дружат с мальчиками, а девочки – с девочками. На самом деле все немного по-другому. Богатые дружат с богатыми, бедные – с бедными. Дети очень рано начинают чувствовать социальное и классовое неравенство. А помогают им в этом их родители. Женя нерешительно ковырялся в песочнице, поглядывая на более успешных коллег по детству – двух пацанов и девочку. У первых двух была яркая пожарная машина чуть ли не в натуральную величину, две ламборгини с открывающимися дверцами и джип, крайслер. Неслыханная роскошь. Наверное, папин автопарк в миниатюре. Девочка была с косичками-хинди и требовательным выражением лица. Она остервенело тыкала в игрушечного Железного человека пластиковым чайничком в желании его напоить. Железный человек, окруженный кольцом из Барби, все не мог устоять под натиском чайника и валился с ног. Судя по тому, как девочка сужала кукольный хоровод и придвигала его все ближе к ничего не подозревающему Тони Старку, эти Барби имели на него какие-то виды.

Время от времени вся троица бросала на Женю косые взгляды. Иностранное тело, деловито мастерающее куличики в противоположном углу их песочницы, им было явно не по душе.

Пластиковую машинку из песочницы скоро заменит настоящая. А играющие в куклы девочки сами превратятся в кукол.

Фразу «Нет, это дорого» чаще всего слышали стены магазинов игрушек. Но не эти дети.

Родители прекрасно понимали, что этот Железный человек, который стоит как четырехколесный велосипед, в скором времени будет пылиться где-то под кроватью или встретит свою смерть в пасти бесноватого домашнего пекинеса. Их это мало волновало. Они покупали своему ребенку не игрушку, а его исключительность. Фразой «Мой ребенок достоин самого лучшего» очередная госпожа Простакова воспитывала в своем ребенке очередного Митрофанушку.

Женя однажды был свидетелем такой покупки – самое удивительное, что мама того пацана даже не произнесла сакраментального «А что надо маме сказать?». И ни слова про пресловутый стакан воды в старости. Просто рассчиталась и бросила ему: «Пойдем». Как будто купила грохотку яиц в «Ашане».

Песочница уже давно канула в Лету, а они с Рахманиновым – нет. Все так же стоят и рассматривают дорогие игруш-

ки.

Родители полагали (и надо отдать должное, вполне справедливо), что телефон во внутреннем кармане рахманиновской куртки проживет яркую, но недолгую жизнь. «Через день его хулиганам отдашь», – отрезала мама, когда Рахманинов заикнулся о телефоне. Глагол мамой подобран был как нельзя более точный – она не говорила: «У тебя его отберут», потому что «отобрать» подразумевает хоть какое-то сопротивление.

Узнающая уже их продавщица, вечно жующая жвачку неформалка с беспросветно-черными волосами и пирсингом в носу, вызывающе на них смотрела – двое доходяг с квадратными портфелями и сменкой в тряпичных мешках могли доконать кого угодно только одним своим присутствием. На всякий случай она старалась сразу спрятаться за наушниками от случайных вопросов в духе «Сколько мегапикселей камера?» и «Сколько мегабайт памяти?».

– А вообще, так нельзя делать, как она делает, – бурчал Рахманинов на выходе из подземного перехода. – Клиент всегда прав.

Пошатавшись еще минут 40, два недовольных «клиента» покупали тархун и шли домой.

ГЛАВА 2

prohibition [prə'zɪbɪʃn] – сущ. запрет, запрещение

injustice [ɪn'dʒʌstɪs] – сущ. несправедливость, беззаконие

helplessness [help'ləsnəs] – сущ. беспомощность, беззащитность

Шли обычно к Рахманинову. Его дом был почти на самом вокзале – сидя на кухне, вся его семья отчетливо слышала, какой поезд и с какой платформы сейчас отправляется.

Их полуторка пахла так же, как пахнут все остальные полуторки в этом районе: немного водки, немного дешевых сигарет, плесени и шпрот.

В дверях их встречал изрядно помятый глава семейства – одет он был в растянутую до колен майку, заменяющую ему штаны.

«Здорово, молодежь», – басил он и шаркающей походкой удалялся в комнату. Лысоватый и с короткими усами, он был похож на изрядно запустившегося Лукашенко. Правда, разговаривал не так смешно.

Из развлечений у Рахманинова были только телевизор «Филлипс» и музыкальный центр в зале. И если уснет отец – змейка на его черно-белой нокии.

Там же стоял мутный аквариум, в котором каким-то чудом еще теплилась жизнь в виде двух дешевых декоративных рыбок. Музыкальный центр служил продолжением сто-

ла, вмещая не поместившуюся на нем пепельницу и поднос со шкурками от колбасы, из-под которого он отзывался хриплым голосом Аллегровой.

Отец, обнажив волосатый живот, шумно зевал на диване у стенки.

Не зная, к чему подступиться, Женя обычно садился на пол и листал «Игроманию». Компьютера у Рахманинова не было, поэтому им приходилось листать страницы и фантазировать. Под аккомпанемент из отцовских зевков и чиханий.

В дверном проеме висел турник, судя по всему, по прямому назначению он не использовался – он был усеян вешалками со школьной одеждой Рахманинова.

Весь ковер у телевизора всегда был в крошках от чипсов – последний раз в белой пудре от рахат-лукума и косточках от фиников, когда сестра прислала Рахманинову привезенные из Турции сладости. Женя жевал подсохшую пахлаву и рассматривал магниты. Судя по ним, Турция была чем-то вроде филиала рая на земле. На одном из магнитов улыбались две нарисованные негротянки. Художник, ведомый своими представлениями о привлекательности, сильно размахнулся и приделал к осиной талии огромные бедра. Не забыл и про лифчики из половинок кокоса. Обнимались негротянки, как и полагается, на фоне заката.

Одним из немногих поводов для гордости были рахмани-

новские три коробки из-под обуви, в которых он хранил каскеты. За исключением пары мультиков, в основном это были отцовские боевики. Рахманинов, педант до мозга костей, держал их в пленке, как какую-то реликвию или артефакт. Он даже не давал лопнуть пузырьки с этой пленки. Считал, что после этого она утратит свои амортизирующие свойства.

Жажда исследования подтолкнула включить загадочные «От заката до рассвета» вместо «Незнайки на Луне». Не прогадали. Сальма Хайек, наверное, даже не догадывается, но она была виновницей всех ранних детских эрекций на постсоветском пространстве. С питоном на шее она прошла по барной стойке, а следом – по воспаленным детским умам. Лучше всех из присутствующих держался Джордж Клуни и вышеназванный питон. Николай Носов, к сожалению, ничего такого предложить не мог.

Следующим по списку был «Голый пистолет» с Лесли Нильсеном. Абсурдность и вседозволенность американской комедии поражала – седовласый дед, годившийся в мужья их с Рахманиновым бабушкам, самозабвенно кривлялся и вытворял на экране такое, за что этими же бабушками был бы навечно осужден, зато получил бы безграничную любовь всей начальной школы в лице Жени и Рахманинова. Женья громко смеялся даже над шутками, которых не понимал. Смеялся с запасом – он прекрасно знал, что дома на комедии на грани фола будет наложен мораторий.

Потому что дома будет бабушка. Он взял несколько кассет у Рахманинова. К просмотру была одобрена только кассета с буквами TNMT – Teenage Ninja Mutant Turtles, на проверку оказавшаяся мультиком про черепашек ниндзя.

Любая уважающая себя бабушка старается оградить внуков от всей грубости и хамства, которыми с удовольствием делится синий экран. Оградить непроеходимой театральной портьерой, из-за которой ничего не видно и почти ничего не слышно. Все остальное попало под категорию ТЧМТ – «Только Через Мой Труп».

В кресле и с пультом бабушка была как Цезарь в Колизее. Почти все программы достаивались ее пальца вниз и мгновенного забвения.

В бабушкин стоп-лист попали «Городок» и «Деревня дураков». Шутки Стоянова и Олейникова она считала скабрёзными, а про «Деревню дураков» и говорить не приходится. По ее мнению, сегодня ребенок «насмотрится», а повзрослев, обзаведется красным носом и не будет выпускать из рук мутноватый самогон в большой стеклянной бутылке. Периодически получая сковородой от истеричной, но в общем-то, справедливо хяющей его жены.

Правда, один раз он посмотрел вестерн с дедушкой. По сюжету, щетинистый главный герой спасал от индейцев девушку. Вроде бы это спасение даже не входило в его пла-

ны, но как и любой техасский джентльмен, он не мог пройти мимо вопиющей несправедливости и ее голубых глаз. Та самая жертва, в свою очередь, носила одни джинсовые шорты и майку, заканчивающуюся где-то за полметра над пупком. В общем, демонстрировала абсолютно виктимное поведение. Индейцам, само собой, она не оставляла выбора.

Вроде бы они даже хотели ее просто сожрать – чем, наверное, сильно задели ее самолюбие. Абсолютно нерациональное использование таких ресурсов. Туземцы оказались на удивление бесхитростны и непохотливы. Но за похотливость в фильме отвечал главный герой.

Он беспощадно отстрелил всех индейцев из кольца – те даже томагавком почесаться не успели.

Ради приличия он отбросил огнестрел и сразился с главарем на копьях. Как и полагается, главному герою расцарапали грудь (лицо в таких фильмах никогда не расцарапывают – этим лицом еще надо будет целоваться со спасенной), зато оппонент огреб сполна. Так и помер на ритуальном валуне, где должен был случиться отряд жертвоприношения. Злой дух пришел не оттуда, откуда они ждали.

Когда главный герой привез спасенную в свое бунгало и хамовато растекся в кресле, постельная сцена была неизбежна.

Он даже впервые за весь фильм улыбнулся, чем окончательно заставил ее отречься от принципа «никакого секса».

с незнакомцами на первом свидании». Глядя в глаза, как заправская порноактриса, спасенная стала медленно снимать лифчик, но тут в просмотр вступила цензура в виде волосатой дедушкиной ладони. Она легла Жене на лицо, заставив на максимум выкрутить слух и воображение. Правда, между безымянным и средним пальцем осталась узенькая щелка, которая превращала постельную сцену в настоящее пипшоу. На удивление, поглядывание и общая «нелегальность» просмотра даже добавляли происходящему пикантности.

Оставшиеся перестрелки с бандитами казались серыми и попросту лишними. Даже финальную сцену сражения с главарем шайки на поезде во время езды Женя не запомнил. Все это казалось мелочным и несерьезным. И маленький совет сценаристам – чтобы произвести на зрителя впечатление и захватить его внимание, стреляющий пулемет Гатлинга надо было показывать до того, как показали женскую грудь.

Женя уже ждал титров, чтобы поскорее увидеть имя актрисы, которая вот так, в одночасье, в субботу после обеда, украла его сердце.

Титры показали мелко и на ускорении. Прощай, незнакомка.

А потом было «Поле чудес». Или «Кто хочет стать миллионером». Наверное, чем труднее были времена и обстановка в стране, тем безоблачнее было субботнее телевидение.

Мама Рахманинова мыла полы в школе, отец уже как полгода пачкал полы дома. С завода его уволили – вроде как не подтвердил квалификацию. Это рассказал сам Рахманинов, когда пришел в школу с хорошим, размером с грецкий орех, бланшем. Попал под горячую руку. Практика с битьем подушек у нас как-то не прижилась. Да и станет разве взрослый и самодостаточный человек бить подушки, делать пять глубоких вдохов-выдохов и заниматься прочей ерундой? Все прекрасно знают, что для вымещения одной отцовской злости нужен один символично провинившийся сын. Впрочем, бил он в тот момент не сына, а всю квалификационную комиссию во главе с непутевым директором, который не смог встать грудью за своего ценного кадра. Вряд ли Рахманинову от этого было легче, но все же.

– Посмотрите на мои руки, – орал Рахманинов-старший, вытянув вперед ладони. – Эти суки говорят мне, что я провод в руках удержать не могу!

Ладони предательски ходили ходуном, как будто провод в них действительно был, да еще и оголенный. Но как и любой человек, убежденный в клеветничестве и заговоре, отец Рахманинова этого в упор не замечал. Ему они казались абсолютно статичными.

Что касается рук, то, как и у любого порядочного алкоголика советской закалки, они у него были золотые. А как ал-

коголик непорядочный, в основном он их распускал.

Вообще, это горькая судьба любых золотых рук – использоваться не по назначению. К ним всегда идет приставка «а ведь...», а в контексте с ними используется глагол в прошедшем времени – «были».

Талант Рахманинов-старший не пропил, хоть и очень пытался. В моменты редких озарений он, вооружаясь шуруповертом и молотком, шел приделывать полки, чинить смесители и менять перегоревшие лампочки. В общем, такой проснувшийся муж на час или продуктивный медведь-шатун. В эти редкие моменты никто ему не мешал, только молча подавали гвозди и проходились по полу веником. Где-то за полночь муза его покидала – стерев с щетины опилки, он брал из холодильника банку «Охоты» или «Уральского мастера» и привычно располагался на диване.

– Завтра у этих блядей закоротит там все к едрене фене, и придут прощения просить! – не в силах забыть предательство директора, сотрясал он стены комнаты. Приходили, правда, только судебные приставы. Вместо прощения просили сбавить тон и отойти в сторону, чтобы они смогли описать имущество. После их ухода Рахманинов-старший сидел за кухонным столом с разложенными на них, как пасьянс, квитанциями за воду, газ и тепло. Нахмутив лоб, он изучал каждую – наверное, выбирал, за какую первую он не будет платить.

Мама Рахманинова с присущей женщинам методично-

стью бросилась изучать все возможные методики выведения благоверного из запоя и, чем черт не шутит, избавления от алкогольной зависимости. Традиционные методы в виде привязывания к кроватям она отмела, решив пойти по западному пути. На остановочном стенде с рекламой она сорвала телефон клуба анонимных алкоголиков. Клуб открылся чуть меньше месяца назад и обещал своим посетителям задушевные беседы, мудрого сенсея (экс-алкоголика) и крепкую опору в виде плеча товарищей по несчастью.

Неизвестно, кто и когда решил, что если собрать в кучу всех страждущих и скованных одной потребностью людей, дав им идейного вдохновителя, то из этого получится что-то хорошее. Последний раз из этого получился Третий рейх.

Рахманинов-старший отпирался и сопротивлялся, как дошкольник перед походом к зубному. Но в итоге не пожалел – лучшего места для поиска собутыльников, чем собрание клуба анонимных алкоголиков, было не придумать.

Мама, вздохнув, поняла, что по западному пути пойти не получится. То ли у них на Западе путь не такой тернистый, то ли у нас водка крепче. В общем, что русскому хорошо, то немцу – смерть.

Рахманинов-старший напивался и звонил своим новоиспеченным друзьям. Разговаривал на испанский манер – через несколько минут начинал кричать матом.

С утра он живо интересовался у жены, не наговорил ли им чего лишнего.

– Ты сказал ему, что он старый жид, мудака и неудачника, – с безразличием телеведущей сообщала та.

– Я не мог такого сказать! – протестовал он. – Какой же он старый? Ему еще и 45 нет!

Однажды Женя застал его приступ белой горячки. После нее все невроты и тики Рахманинова можно было легко объяснить. Вопреки анекдотам из застольного сборника, «белочка» оказалась не такой безобидной.

Глава семейства, который каких-то пять минут назад спокойно разговаривал с телевизором, стал орать и метаться, как при обряде экзорцизма, брызжа слюной и издавая какие-то бессвязные ругательства. Его лицо было подернуто безумием – рот скривился, а литературное выражение «глаза вылезали из орбит» нашло свое практическое воплощение. Никто так и не понял, что стало катализатором, запустившим эту его реакцию, но это уже было и не важно. Когда на тебя несет снежная лавина, причины ее возникновения волнуют тебя в последнюю очередь.

Рахманинов-младший дрожал мелкой дрожью. Он не пытался сохранять самообладание – напротив, он целиком отдался страху. На тетрадном листе лежала офицерская линейка. Он судорожно, не поднимая головы, обводил круги, треугольники и ромбы, пока насквозь не порвал бумагу. Ручка неприятно заскобила по деревянному столу.

Мама была невозмутима – она в это время мыла посуду,

и придя на шум, молча стояла в дверном проеме, продолжая вытирать тарелку белым вафельным полотенцем. На мужа она смотрела с холодным укором, но в целом беззлобно. Так обычно смотрят на ребенка, который после вопроса «Хочешь пи-пи?» отрицательно мотает головой, а через минуту обмачивает штаны.

По-видимому, такие перфомансы здесь были не в новинку. Демонстративно вздохнув, она вернулась на кухню и прибавила радио. Благо, алкогольный спринт длился недолго – Рахманинов-старший, как загнанная лошадь, падал на диван и, глядя в потолок, тяжело дышал.

Они смотрели телевизор и старались не замечать фигуры под одеялом в другом конце комнаты. Заснув, фигура неистово храпела, иногда, издав полусонную матерную тираду, беспокойно ворочалась и возобновляла храп. Из-под одеяла торчали грязные пятки. Уж лучше так – бодрствующим он доставлял проблем побольше.

У алкоголиков со временем снижается критичность, взамен появляется плаксивость и склонность к сантиментам. Если от песни «Отчего так в России березы шумят» начинают наворачиваться слезы – стоит крепко призадуматься. У отца Рахманинова слезы не наворачивались, а открыто бежали, прорывая ветхую плотину из опухших и покрасневших век.

В его негласную подборку «песен, от которых вы обяза-

тельно заплачете» входили их с Рахманиновым хоровые кассетные записи с «Прекрасным далеко» и «Крылатыми качелями».

Временами он доставал альбом с фотографиями. Свадебные он, почти не глядя, перелистывал, зато фото с сослуживцами удостаивались его особого внимания. Он бережно водил по ним пальцами, а фотографию его взвода от помещения в рамочку спасало отсутствие рамок. Все хрупкое и стеклянное в комнате было уже давно разбито.

Сослуживцам было тесно в объективе фотоаппарата – 30 агрессивно-целеустремленных каменных лиц и ни одной улыбки. С фотографии осязаемо сквозило тестостероном, спиртом и крепким табаком. Самым безобидным на этой фотографии выглядел танк.

Наверное, эти фото специально созданы для запугивания потенциального врага, который мог где-нибудь на них наткнуться.

Два раза в месяц жена заставляла его надевать самые приличные из имеющихся брюк и отправляла в службу занятости. Примечательно, что местная разливайка примостилась в торце этой же пятиэтажки. Таким образом, дальше территории этого дома выплаченное пособие обычно не уходило. Соседство было по меньшей мере странным – то же самое, как если бы эволюционный центр имени Дарвина открыли при церкви. Активные граждане даже писали обра-

шение с просьбой отцепить этот паразитический рюмочный полип с государственного учреждения.

Как и многие алкоголики, Рахманинов-старший стал отдаляться от людей и находить себе друзей в лице животных. Домашняя болонка стала ему и Бимом Черным ухом, и Хатико в одном лице. Ничего удивительного – собака никогда не скажет тебе: «Ты у меня всю душу высосал» или «Да когда ты уже, наконец, найдешь работу». Звали болонку Несси. Про то, что так ласково называли Лох-несское чудовище, Рахманинов -старший и слышать не хотел.

На зиму он купил ей комбинезон модели «похоронный саван» и пошел «показывать невесту» во двор. Жаль, что собаки не наделены чувством юмора, поэтому над облачением болонки смеялись только их хозяева.

К семейству псовых она имела весьма опосредованное отношение – обучаемость и склонность к дрессировке у нее была на уровне рыжего лесного муравья. Характер такой же.

Наверное, именно с нее Крылов писал басню про слона и моську.

Дай ей волю – она бы перегрызла шею Павлову и облаяла бы все его мигающие лампочки и звенящие колокольчики. Единственный вывод, который бы он сделал из эксперимента с условным и безусловным рефлексом – это то, что пять укусов от бешенства в живот – это действительно больно.

Было в ней что-то и от гопника со спального района – если

она ловила на себе чей-то задержавшийся дольше пары секунд взгляд, то начинала утробно клочкотать звуком заведенной бензопилы и буровить оппонента ответным взглядом. Если рычать и кусать протянутые руки было некому, она начинала грызть лапы собственные – наверное, надо было хоть куда-то направлять энергию чистого зла и ненависти.

Отец Рахманинова, замечая этот акт мазохизма, хлопал болонку газетой, а если нет, то Женя с Костей ее никогда не останавливали – каждый втайне надеялся, что она сгрызет себя до основания.

В магазин заходил он тоже с ней. Она посматривала на холодильники и подозрительно-подготовительно обнюхивала углы.

– Мужчина, ну куда вы с «этим» идете! – женщины на кассе недовольно косились на пса, который в этот момент отряхивался дворовой лужей. – Написано же на дверях – нельзя!

– А че нельзя-то? Он что, не человек, что ли? – бурчал Рахманинов-старший и зажимал Несси в подмышку. Та, в свою очередь, вырывалась, мельтешила лапами и всячески пыталась вернуть привычную ей гравитацию уровня человеческих щиколоток.

С работой не ладилось. Старший сын, трезво оценив обстановку: в семье мать моет полы в школе, а отец сидит без работы и плачет над детским хором, решил не рисковать и заняться грабежами. Вернее, грабежом. Его собственный

сериал «Бригада» закончился пилотной серией, не успев начаться.

К налету с двумя дворовыми друзьями они готовились основательно – напились и украли ружье у сторожа с хладокомбината.

Решили грабить место, где деньги есть точно. Например, кафе-разливайку. Свою, местную не стали грабить по соображениям безопасности и районной солидарности. Выбор пал на ту, что находилась на окраине города. Злачное место, куда каждое утро, день и ночь стекались страждущие со всего района. Богом забытое место, но к его счастью – места, а не Бога, – не забытое обитателями района. И каждый день несчастная разливайка переживала последний день Помпеи – складывалось ощущение, что кто-то мстительный каждый месяц репетировал на ней кару египетскую: четыре мордобоя за неделю были чересчур даже для ирландского паба, не то что для разливайки ниже среднего пошиба. Она трижды закрывалась и открывалась вновь, а потом и вовсе сгорела – чтобы, как феникс, воскреснуть и уже через две недели вновь распахнуть свои двери. Впрочем, никто и после пожара не заметил ощутимой разницы – легкий запах гари никому не мешал, а желтый свет тусклой лампочки до почерневших стен все равно не добирался.

И тут ограбление. Наверное, тщедушный старичок за прилавком даже не оторвался от халвы с чаем, когда на него наставили ружье – он просто пожал плечами и протянул

дневную выручку. Поскольку новоиспеченные бандиты были благородными и смотрели фильмы про ограбление банков, они оставили старичку 500 рублей из кассы. «За причиненные неудобства». Осталось поделить оставшиеся 2 тысячи. На троих они делились плохо, поэтому дележку решено было отложить. Бутылку водки они взяли за счет заведения.

Поймали их на третий день. Моги бы и на второй, но на второй был День милиции. Не до того было.

Региональные новости тут же окрестили ребят «налетчиками двухтысячных», добавив, что они, несомненно, действовали куда наглее своих предшественников из 90-х.

Старший брат Кости Рахманинова входил в общественное объединение «Чистый город», и его до этого показывали на этом же региональном канале – правда, обыгралось все не в его пользу: теперь весь город узнал, что все это время «рядом с нашими детьми» мусор с улиц подбирали «форменные отморозки».

Это был единственный случай, когда мама Рахманинова не торопилась звонить соседке с возгласом: «Галя, включай скорее телевизор, там моего старшего показывать будут!»

После этого случая Женины походы в гости к Рахманинову прекратились. Рахманинов говорил, что родители сильно переживают. Мама ревет, отец пьет еще больше.

И вообще, вся семья ломает голову и не понимает, как же так случилось. Сначала грешили на героин. Хотя откуда ему было взяться? Ведь они всегда проводили профилактиче-

ские беседы и принимали превентивные меры – отец говорил, что оторвет башку, а мама обшаривала сыновьи карманы. Ничего подозрительного так ни разу и не нашли – только сигареты и презервативы.

ГЛАВА 3

remembrance [rɪmɛmbrəns] – сущ. память, напоминание

earnings [ɜːnɪŋz] – сущ. заработок, выручка, доход

employment [ɪmˈplɔɪmənt] – сущ. занятость, работа

Приняв душ, Женя стал обходить комнаты в поисках фена. Причина подняться в воскресенье с кровати раньше часа дня у него была – вечером он ждал в гости Сашу, с которой он познакомился полгода назад. Было это примерно так: он не пошел на последнюю пару (в универе он, кстати, был редким гостем – большинство лекций и предметов он не считал полезными и нужными; универ был для него скорее *terra incognita*, нежели *alma mater*) и решил пойти на тренировку на пару часов пораньше. Судьба встретила его в рибоковском красном топе в унисон с красным маникюром, серых беговых леггинсах и такого же цвета кроссовках «Асикс». Женя, кстати, всегда до последних мелочей запоминал, во что были одеты девушки в момент знакомства – не специально, просто так получалось. Наверное, это компенсировалось тем, что спустя пару месяцев отношений он уже не замечал в них ничего: ни новой прически, ни новой одежды. Тоже, впрочем, не специально.

Судьбой, конечно, он в шутку называл ее только на первом свидании. Саша, не будь так проста, и сама подготовилась и проверила гороскоп – вроде бы, за какими-то неболь-

шими сомнениями Марса и Юпитера, все у них должно было сложиться благополучно.

Женя придумал целую культурную программу, начинающуюся со столика на двоих в небольшом семейном ресторанчике и заканчивающуюся поездкой на колесе обозрения над вечерним Екатеринбургом. Был сентябрь, и он даже захватил из дома плед и термос – в общем, использовал все запрещенные приемы.

Такой вот спешившийся с белого коня принц, заботливо протягивающий имбирный чай с лимоном в крышке из-под термоса, не мог оставить Сашу равнодушной.

– И откуда же ты появился так в моей жизни неожиданно, – неосмотрительно ляпнула она, когда колесо обозрения заканчивало свой финальный круг.

В тот же момент, когда Женя раскусил симпатию и взаимность, пелена неприступной красоты из тренажерного зала моментально спала. Он быстро расслабился, поэтому все последующие их свидания происходили в ближайшем кофейне, иногда прерываясь редкими походами в кино.

Но это было давно – теперь он всегда приглашал ее к себе в воскресенье, но чтобы она не чувствовала себя используемой, исправно звонил ей в понедельник и пил с ней кофе в среду.

В их отношениях они так и не определились, вернее, не определился один Женя. Саша же считала их полноценной парой, видеться чаще которой мешала Женина практи-

ка, Женины тренировки, Женина учеба (нужное подчеркнуть).

Сам Женя придерживался другого мнения – Саша ему нравилась в постели, она всегда смеялась над его шутками и всегда брала трубку, когда он звонил. Скорее всего, если бы Женю усадили за стол и, глядя в глаза, попросили перечислить, чем его еще привлекает Саша, то добавить ему было бы особо и нечего.

Впрочем, в данный момент Женю интересовал вопрос организации вечернего ужина – лениво листая меню ресторана японской кухни в телефоне, он решал, заказать доставку суши на дом или прогуляться самому, заодно заскочив в магазин за зерновым кофе, вином и парой других мелочей. И надо было не забыть найти банкомат – вчера утром ему опять звонили из банка.

Он опять просрочил платеж за прошлый месяц, и жадный до своих денег банк в лице молодой девушки со стержовым голосом интересовался, каким образом Гурц Евгений Александрович собирается гасить образовавшуюся задолженность.

Восточные сказки про злых ростовщиков, остающихся с носом, русские сказки про чахнувшего над золотом Кощея с печально известной судьбой, американские комиксы про жадного, но несчастного Скруджа Макдака – все это было напрасно. Люди вырастают и все равно берут кредитные кар-

ты.

А молодая девушка со стержовым голосом относилась к числу тех, на кого не действовали сладкоголосые обещания, произнесенные убаюкивающим мужским баритоном. Поэтому раз в месяц Жене приходилось гасить бдительность банка несколькими мятыми купюрами, безвозвратно исчезающими в жерле банкомата.

Правда, он выявил для себя безопасную дистанцию – даже по внесении хотя бы половины суммы его целый месяц не трогали и не будили по субботам. По-видимому, где-то там, в кулуарах банковских кабинетов, из красного – срочного – списка должников он переходил в оранжевый – второстепенный, до которого неповоротливая бюрократическая машина уже не добиралась.

Решив немного развеяться, Женя накинул на футболку пальто, старательно начистил туфли, сделал четыре щедрых пшика подаренных на 23 февраля Сашей burberry london на шею, запястья и волосы. Проверив хлопками по карманам ключи, телефон и кошелек, Женя вышел из прихожей и закрыл дверь.

Выходя из подъезда, он вспомнил, что оставил на вешалке хомут Zaga, тоже Сашин – подаренный ему на день рождения.

Что касается подарков, сам Женя всегда отделялся букетом цветов и картой в «Летуаль». Он не хотел казаться

жадным, ведь щедрость – это такая же часть имиджа, как и чистые туфли. А щедрость при отсутствии денег – это даже немного благородство. Что касается отсутствия всякого разнообразия в выборе подарков, то, поскольку длительность Жениных отношений оставляла желать лучшего, до вторых дней рождения, 14 февраля и 8 Марта никто не «доживал». И как следствие, в отсутствии фантазии упрекнуть его тоже было некому.

Деньги. Они у Жени не держались никогда. Кошелек был для них чем-то вроде короткой остановки или перевалочного пункта, в котором они толком не успевали обжиться, как уже спешно покидали его ненадежные кожаные стены. Тратил он их быстро и не задумываясь.

В случае если все же несколько купюр оседали в его кошельке, отправиться им предстояло на один из двух эшафотов – гардероб и развлечения. Это были две основные статьи Жениных расходов. Если говорить по-русски – шмотки и алкоголь. Чеки из Zara, Ermenegildo zegna, Henderson, Abercrombie & Fitch и других бутиков по истечении 14 дней на обмен становились для денег их последним и окончательным некрологом.

Наверное, Женя и сам пользовался у денег дурной славой: в ответ они относились к нему настороженно и с опаской, предпочитая обходить стороной. Заведенная бабушкой

и мамой песня о его расточительности проходила лейтмотивом через все его детство – в какой-то момент он уже и сам поверил, что это вовсе никакой не недостаток, а его отличительная черта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.